

Крупные партии хлебных грузов вывезли по 4 отпускным записям дворянские приказчики баронов Строгановых. Всего ими было отправлено в Санкт-Петербург 4098 четвертей ржи, пшеницы и гороха на сумму 2904 руб. 95 коп.

В определенной мере торговлей занимались и казаки. Среди них яицкие казаки И. Филимонов, В. Карыгин, И. Кошумов, П. Иванов, И. Ф. Федорчиков и самарский казак А. Авдеев. Яицкий казак И. Филимонов, например, вывез в Оренбург 70 юфтей «яловочных красных средней руки», одну половинку «сукна анбургского красного», 70 пар сапог, 90 котлов «железных однополишных», 150 удил, 130 пар стремян, 150 таганов, 30 шлей и 20 дюжин бубенчиков на сумму 282 руб. 60 коп.

Торгующие крестьяне А. И. Красильников и В. Филиппов, уроженцы с. Павлово Нижегородского уезда, вывезли из Казани в родное местожительство овчин, козлин, холста-хряща и разных «уресков» на сумму 119 руб., а крестьянин с. Воскресенское Юрьевского уезда И. Т. Волков, в Тверь — 1065 четвертей ржи и 7 четвертей проса на сумму 543 руб.

В трех записях зафиксированы отпускные товары на Макарьевскую ярмарку слободского татарина г. Казани Сулеймана Уркина с импортным (канфа, чашки, выбойки, бязь, чандар, чай зеленый) азиатским товаром и пушниной (шкуры степных волков и лисиц) на сумму 475 руб. 30 коп.; казанского городского бобыля И. Тимофеева в Самару с 45 пудами «черкасского табаку» (сумма не указана) и индуса Лала Байбуева, действовавшего через своего приказчика, астраханского торгового татарина Мамета Отовердеева, вывезшего на Макарьевскую ярмарку 450 «мерлушек мишетских» на сумму 247 руб. 50 коп.

Подводя итоги, следует сказать, что таможенная книга на отпускные товары 1741 г. значительно расширяет сведения о торговых связях города Казани в середине XVIII века.

Примечания

¹ См.: *Фирсов Н. Н.* Русские торгово-промышленные кампании в 1-ю половину XVIII столетия. Казань, 1896; *Заозерская Е. И.* Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв. // Петр Великий: Сб. ст. / Под ред. А. И. Андреева. М.; Л., 1947; *Чернышов Е. И.* О связи Камско-Волжского края с российским рынком в XVII в. // Известия Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 1. Казань, 1955; *Кафенгауз Б. Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века (по материалам внутренних таможен). М., 1958; *Бакланова Н. А.* Торгово-

промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в.: К истории формирования рус. буржуазии. М., 1959; *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Всероссийский аграрный рынок XVIII—начала XX века: Опыт количеств. анализа. М., 1974; *Миронов Б. Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. Л., 1981; *Голикова Н. Б.* Очерки по истории городов России конца XVII—начала XVIII в. М., 1982; История Казани. Кн. 1. Казань, 1988; *Иванов А. Г.* Запросы и предложения русских купцов города Казани в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. // Поволжье в системе всероссийского рынка: История и современность. Чебоксары, 2000, и др.

² *Пушкарев Л. Н.* Мои встречи с А. И. Яковлевым // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Вып. 2. Чебоксары, 2001. С. 242—243.

³ РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 645. Л. 6—57. — Заметим, что в рассматриваемой книге оказались зафиксированными выписи на отпускные товары из Казани за май 1740 г. — до Новой Ладogi и за декабрь — до Оренбурга (2 записи), Верхотурья и Ирбитской ярмарки (л. 1—5). Кроме того, в ней же отмечены две явки на привозные товары в Казань в 1741 г. из Самары торгующим крестьянином с. Верхнего Услона Свяжского уезда Дмитрием Тимофеевым 590 «шевриг коренных» на сумму 36 руб. и тульским купцом И. К. Крохоткиным — из Тобольска различного товара (трости, кумачи, иглы, кафтаны, колпаки, крепь, корица, гарнитура, шелковые и полупшелковые платки, немецкие шляпы, ленты и пр.) на сумму 405 руб. 29 коп. (л. 47, 50).

⁴ Там же. Л. 22.

⁵ См.: *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Всероссийский аграрный рынок... С. 83; *Истомина Э. Г.* Водные пути России во второй половине XVIII—начале XIX века. М., 1982. С. 22—26, 98—166.

Н. В. Козлова

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУПЕЧЕСКИХ ЖЕН И ВДОВ МОСКВЫ в XVIII в.

Давно и хорошо известны домовитость и расторопность купеческих женок как домашних хозяек. Подробно и красочно о них повествуют сохранившиеся до наших дней воспоминания представителей купеческих фамилий. Семейно-правовые документы (духовные, рядные о разделе имущества и вступлении в наследство), а также купчие, закладные и другие частноправовые акты позволяют говорить и о том, что им были свойственны интересы и деятельность, далеко простирав-

шиеся за пределы собственного дома.

Идущее со второй половины XVII в. законодательное определение сферы имущественных прав женщин, к середине следующего столетия завершилось четким разделением собственности супругов, определением каналов ее обретения и закреплением за каждым из них права самостоятельного распоряжения ею, включая куплю-продажу, заклад, передачу по наследству. Указы 1714, 1716 и 1731 гг. в число не отчуждаемых от жен имений, которые не засчитывались в «указную дачу», получаемую после смерти мужа, и не включались в состав передаваемого им по наследству имущества, помимо собственного приданого и полученного после родственников наследства, отнесли и самостоятельно купленные женами имущество¹.

Купеческие жены и вдовы от своего имени или по поручении мужей, братьев активно участвовали в различного рода сделках с принадлежавшей как лично им, так и другим членам семьи и родственникам собственностью. Право писать купчие и закладные на недвижимость, как и совершать крепости на принадлежащее им движимое имение, было дано лицам женского пола указом 1715 г.²

Судя по духовным московских купцов, при отсутствии сыновей мужья вполне полагались на своих жен при возложении на них выполнения разнообразных деловых распоряжений. Наиболее часто среди них в духовных упоминаются различные поручения в сфере кредитных операций, столь характерных для торговой деятельности купцов разной состоятельности и размера торговых оборотов. Одни завещатели, подобно гостю Максиму Чирьеву в 1705 г., или купцу Семену Степанову в 1796 г., возлагали на своих жен обязанности «выбирать» деньги «по кабалам и распискам», другие — как гость Михаил Шорин (1711 г.), «гостиный внук» Андрей Шустов (1738 г.), купец 1-й гильдии Иван Готовцов (1750 г.) или купец 3-й гильдии Николай Калачников (1793 г.), напротив, обращали внимание жен на их собственные долговые обязательства по векселям, крепостям и «своеручным» письмам, а также пошлинные и оброчные платежи³. Причем если на их уплату наличных денег не хватало, то в завещаниях следовали распоряжения относительно продажи конкретной недвижимости, что также поручалось женам. Например, уже упоминаемый гость М. Шорин для уплаты числившихся на нем «всякой доимки и пошлин» на огромную сумму в 15 тыс. руб. приказал жене продать доставшиеся ему еще от деда и свои собственные дворы, деревни, лавки и соляные уголья⁴.

Среди хозяйственных поручений встречались распоряжения о продаже не распроданного в наемной лавке товара, а также по ведению торговых дел и сдаче собственных лавок внаем до возраста малолетних

сыновей⁵. В отдельных случаях умирающий муж мог возложить на жену содержание взятых им на откуп сборов различных оброчных статей, что предполагало умение наладить значительно более сложное в организационном плане предприятие. Такое поручение, например, содержится в завещании купца 1-й гильдии И. Л. Готовцова 1750 г. Помимо передаваемых жене дома, четырех лавок и двух погребов, в нем упомянуты имеющиеся у него на откупе от Московской губернской канцелярии бани, мельница, рыбные ловли и садки. Все они в течение положенного срока также поступали на содержание жены и приемного сына⁶.

В составе передаваемого по духовным женам наследства нередко фигурируют не только дома со всем жилым и нежилым строением, но также и торговые заведения — палатки и лавки каменные и деревянные с каменными под ними погребями, складские помещения (амбары и пр.), питейные погреба. Они оценивались порой на весьма значительные суммы. Например, московский купец Андрей Яковлев сын Мельников в своей духовной, составленной в 1793 г., оценил все свое завещанное жене недвижимое имение (дом на каменном фундаменте с садом, 3 каменные лавки с каменными под ними погребями и с железными затворами, 2 каменные палатки со сводами каменными и с каменными же под ними погребями) «по совести» в 12 тыс. руб. Стоимость 33 лавок в разных рядах купца 2-й гильдии Михаила Алексева Москвенкова, распределенных им по духовной (1794 г.) между его женой, четырьмя дочерьми и еще не родившимся ребенком, оценивалась в 27,5 тыс. руб. Каменный дом с принадлежавшим к нему дворовым строением завещатель оценил в 2 тыс. руб. Еще 24 лавки стоимостью в 30 тыс. руб. купец поручал жене продать, а полученные деньги, как и собранные с заимодавцев, употребить на поминание его души⁷.

Жены купцов владели разнообразными торговыми и промышленными предприятиями не только после смерти своих мужей, получая их по наследству, но и еще при их жизни. Об этом свидетельствует состав принадлежавшей лично им собственности. Так, жена московского купца И. Д. Евреинова Анна Васильева в своем завещании 1798 г., наряду с родовым, доставшимся ей по наследству недвижимым имением, которое включало питейной погреб с каменными лавками и палатками и две деревянные лавки, упоминает «благоприобретенные» двор с каменным и деревянным строением и садом «да в Мясницкой части в Охотном ряду три каменные же лавки с погребями и над ними с палатками». Родовые торговые заведения предназначались сыну, а до его совершеннолетия поступали под управление мужа с тем, чтобы получаемые с них доходы он смог «употреблять на пристойное сына наше-

го воспитание и в случае надобности на починки и поправки того строения». Приобретенное же лично Анной Васильевой недвижимое имение после ее смерти муж уже от своего имени должен был продать или заложить ради погашения состоящих на ней вексельных долгов и счетов⁸. Подобная хозяйственная самостоятельность купеческих жен не была редкостью.

Навыки деловой активности, участие в предпринимательской деятельности купеческих жен в условиях высокой степени риска занятий торговлей могли обеспечивать сохранение капитала умерших мужей, преемственность занятий и социального положения подраставших сыновей. Многочисленные примеры свидетельствуют, что смерть мужа даже в отсутствие взрослых сыновей далеко не всегда сопровождалась хозяйственной катастрофой для его вдовы.

Ярким, но далеко не единственным подтверждением участия лиц женского пола в предпринимательской деятельности может служить духовная вдовы первой гильдии московского купца Алексея Силина сына Шелехова Евдокии Семеновой, написанная в 1757 г.⁹ В ней она назначала своего брата, первогильдейского московского купца Петра Семенова сына Рыбенского душеприказчиком и опекуном ее семилетней дочери — наследницы всего движимого и недвижимого имения. Распоряжения Евдокии Семеновой брату, отличающиеся деловитостью и предусмотрительностью, нацелены на сохранение и приумножение оставляемого дочери наследства. В числе его: дом за Яузой в приходе церкви Козмы и Домиана, «что на Вшивой горке», 12 каменных лавок в Китае городе в Пуговишном и Мыльном рядах, 3 питейных погребов и палатка, сдаваемые купцом внаем. В состав движимого имения, помимо посуды медной, оловянной и серебряной (вес последней — 7 фунтов 30 золотников), платья и «низанья», «постели», мехов, входили 5 книг (преимущественно печатные указы — «Уложение в переплете», Торговый Устав и др., а также «Книга писмянная о житии Петра Великого» в переплете), денег 300 руб. и подлежащие взысканию с разных купцов многочисленные вексельные долги на имя умершего купца и его вдовы. В завещании подробно расписаны все заимодавцы, выданные им суммы, срок, дата погашения долга (от 50 руб. до несколько сот и даже полутора тысяч рублей). Ясно, что важной сферой деловой активности покойного купца был коммерческий кредит и сдача внаем принадлежавших ему лавок и питейных погребов. После его смерти эту область предпринимательской деятельности мужа продолжила его вдова. Будучи в курсе всех дел и прекрасно ориентируясь в деловых бумагах, она не только держала под контролем опротестованные векселя, но и выдавала новые, предоставляя разным купцам немалые деньги.

Душеприказчику и опекуну позволялось жить с женою в доме вдовы и содержать племянницу «по христианской должности, яко родную свою дочь и по возрасту отдать ее в замужество». Дочери завещалось дядю до его смерти «почитать и иметь, яко за отца». За «доброе им ее воспитание и труды» брат награждался 300 рублями. Ему предписывались обязанности по ведению вверенного ему хозяйства: собирать с отданных в найм лавок и погребов деньги, а затем по прошествии указных сроков вновь отдавать торговые заведения внайм разным купцам; взыскивать по векселям долги, а «в неплатеже протестовать... где надлежит по указом». Полученные деньги употреблять на пропитание, платье племянницы и другие мелкие домовые расходы по 150 руб. в год. Оставшиеся деньги брату следовало использовать на цели приумножения предпринимательства: купить лавки на имя племянницы или же по его усмотрению отдать под процент «доброму человеку». Допуская использование денежного капитала братом-опекуном на собственное купечество, вдова оговаривает его условием платы 6% годовых со взятого капитала, то есть его самого ставя в условия заимодавца. Таким образом, вдова купца, вполне освоив сферу предпринимательской активности мужа, в тех же привычных пределах очерчивает ее и для брата-опекуна.

Желая защитить интересы дочери от возможного употребления вверенного брату состояния на личные нужды, завещательница возложила дополнительный контроль за расходами сверх указанных 150 руб. на другого своего брата Ивана Семенова сына Рыбенского, обязанного вести в тех затратах записи в книгу. Обоснованными вдова признавала расходы по перестройке и ремонту дома, а также сопряженные со взысканием долгов или идущие на ее поминование. До возраста дочери все имущество, деньги, векселя, крепости должны были находиться в руках брата-душеприказчика и опекуна. Затем все наследство, все отданные и собранные им деньги или векселя и накопившиеся проценты передавались во владение дочери Пелагеи Алексеевне с обстоятельным «в приходе и расходе» счетом.

Духовная купеческой вдовы Евдокии Семеновой подробно рисует состояние московского купца 1-й гильдии, которое складывалось как из домашнего имущества, вполне утилитарного состава, так и из торговых помещений, служивших не торговым целям, а средством извлечения денежного дохода за счет их сдачи внаем. Другим источником доходов в хозяйстве купца был коммерческий кредит, позволявший заимодавцу наращивать свой денежный капитал. Причем в предпринимательстве Алексея Шелехова кредит играл не ту вспомогательную роль, что была характерна для купца любого ранга и позволяла за счет

заемных денег как существенно приумножить возможности своих торговых оборотов, так и избежать нежелательной ситуации «лежачих» денег. Кредитная деятельность первогильдейского купца являлась сутью его предпринимательской деятельности. Предоставляемые им займы выдавались сроком от 6 месяцев до 3 лет под 6% годовых. Это был тот процент, под который выдавались ссуды из Купеческого банка, основанного в Петербурге в 1754 г. Рассматриваемая духовная не только раскрывает конкретные сферы деловой активности московского первогильдейца, но и с убедительностью показывает, что перед нами именно купец-предприниматель, поскольку получаемая им прибыль идет не только на потребительские цели, но и на развитие самого «дела». Очень интересны содержащиеся в духовной данные, позволяющие показать участие вдовы купца в хозяйственных делах мужа, ее способность продолжить непростую область его предпринимательства. Со страниц духовной рисуется образ волевой, предусмотрительной и очень рачительной хозяйки, чьи интересы и деятельность не ограничивались пределами собственного дома. Несомненно, специфика этой области предполагала четкое и грамотное ведение документации, что в совокупности с наличием среди домашнего имущества купца и его вдовы собрания печатных указов свидетельствует не только о грамотности хозяев, но и о их знакомстве с правовыми основами своей деятельности и требованиями коммерческого искусства.

Примечания

¹ Подробнее см.: Козлова Н. В. Имущественные права и положение женщины в купеческой семье Москвы XVIII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI—XVIII вв.): Проблемы культуры и культур. наследия: Материалы Третьей науч. конф. Муром, 17—20 мая 2000 г. (в печати).

² Правда, вплоть до 1753 г. на практике при их оформлении крепостные учреждения все же требовали письменное согласие мужа или «поверенное» от него письмо (см.: РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 554. С. 75, 77, 92, 95, 153; Д. 555. Л. 53; Д. 567. Л. 54—55 и др.; ПСЗРИ. Т. 13. № 10111).

³ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 11. Л. 266—267; Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 544. Л. 92об.—93; Оп. 1. Ч. 2. Д. 4198. Л. 14—15; Д. 6592. Л. 2—3; Д. 3710. Л. 12—12об.; ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 4. Т. 1. Д. 3945. Л. 1об.—2.

⁴ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 544. Л. 92об.—93.

⁵ ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 3. Т. 3. Д. 6401. Л. 1об.—2.

⁶ РГАДА. Ф. 82. Оп. 1. Ч. 2. Д. 6592. Л. 2—3.

⁷ Там же. Оп. 26. Д. 909. Л. 15—16; Оп. 3. Т. 3. Д. 8099. Л. 1об.—4об.

⁸ ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 4. Т. 2. Д. 6274. Л. 1об.—2об.

⁹ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 4. Д. 12125. Л. 1—4об.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОСКОВСКИХ КУПЦОВ в 60-е гг. XVIII в.

От особенностей брачной структуры той или иной социальной группы зависит характер воспроизводства населения. Согласно теории, выдвинутой английским ученым Дж. Хаджналом, в Западной Европе еще в XVI в. начала складываться новая европейская модель брачности. В отличие от традиционного типа, для которого свойственны ранние браки и высокий уровень брачности, европейская модель характеризуется поздним вступлением в брак: у мужчин в среднем — в 26—28 лет, у женщин — после 24, и значительной долей лиц, никогда не вступавших в брак (у мужчин — 9—20%, у женщин — 11—29%)¹. Для России, основное население которой составляло крестьянство, в изучаемый период был характерен традиционный тип брачности. Во второй половине XVIII в. начали складываться предпосылки для перехода к европейской модели. Новые явления в брачном поведении затронули городское население, тогда как в среде крестьянства они полностью отсутствовали². Цель данной статьи состоит в том, чтобы выяснить особенности демографического поведения московских купцов в 60-е гг. XVIII в. Источниками служат данные 3-й ревизии, проводившейся в 1763—1764 гг., и окладных книг 1766 и 1767 гг. Объектом исследования стали семьи купцов 11 слобод Москвы³. Анализ структуры брачности московских купцов по гильдиям позволит определить характер и уровень распространения в среде московского купечества элементов новой модели брачности.

Большинство московских купцов состояло в браке (61,9% мужчин и 73,7% женщин в возрасте от 16 лет и старше). В то время как треть московских купцов на момент ревизии оставались холостяками, среди женщин доля незамужних составляла 6,9%. Доля вдов (19,4%) почти в четыре раза превышала долю вдовцов: 5,9%. Это объяснялось различным возрастом вступления в брак у мужчин и женщин. Последние выходили замуж значительно раньше мужчин. Если около 65% женщин от 16 до 20 лет были замужем, то среди мужчин этого возраста в браке состояло только 12%. К 30-летнему возрасту вне брака оставалось 3,3% женщин, тогда как среди мужчин возрастной группы 21—30 лет более 60% составляли холостые. К 16 годам в брак вступало в